

Наталья ПОГИНОВА

Неоконченная пьеса для Александра Калягина

Сам юбилар в дни своего шестидесятилетия где-то на гастролях. На Волге — играет в Самаре последнюю премьеру своего театра. Назвал я круглую дату — и сердце сжалось. Куда жизнь так спешит?!

Было это, кажется, вчера: подвозил он меня на Покровку на своем жигуленке цвета беж, парадоксально наполненном запахами и ароматами, тянувшими на «мерседес». Время от времени знаменитый артист доставал из «бардачка» флакон и опрыскивал салон. Мы возвращались домой после мхатовского спектакля «Тамара», в котором он блистал как «человек-оркестр» по имени Симон. Вдруг он загадочно на меня посмотрел и пообещал: «Сейчас я что-то тебе покажу...» Свернул в Харитоньевский, свернул опять, чуть сбавил скорость, улыбнулся, глядя влево, и тихо сказал: «Здесь я родился». Проехали мы место его рождения, старый московский дом, я оглянулся; а он уже смотрел вперед и прибавлял газ, как будто не хотел, чтобы я запомнил номер дома, узнал, кто он и откуда.

Кто он, до сих пор никто не знает с определенностью. Актер? Режиссер? Руководитель театра? Профессор и педагог? Глава театрального союза России? Большой, мягкий и трогательный любитель кофе «Нескафе Голд»? У Калягина словно нет имени. Есть, конечно, титульное «Александр». Есть — «Александр Александрович»: «Александр Александрович, Юрий Михайлович вас обязательно когда-нибудь примет», «Александр Александрович, скажите прямо, а как артистка я вам не понравилась?» Для очень многих он Сан Саныч: «А где сейчас Сан Саныч?», «Сан Саныч приехал?», «А Сан Саныч знает?» Для некоторых он Саша: «Саша, ну я твое письмо о спонсорской помощи прочитал, что-то мы твоему театру дадим». Для очень немногих он еще и Сашенька: «Сашенька, а я предлагаю выпить за нашу российскую «Скорую помощь» и в твоём лице за всех российских фельдшеров!» Никто и никогда не называл его при мне Александром, хотя, конечно, варианты возможны: «Александр, у нас в отделе женщины говорят, что вы женаты и ваша жена такая гениальная актриса Евгения Глушенко!» Или: «Александр, мы с моим другом спорим: кого играть приятнее — мужчину или женщину? Друг считает, что мужчину...»

Не слышал никогда его кличек. Клички как-то к нему не приклеи-

ваются. Не могу вспомнить ни одной! Этот феномен отсутствия клички в стране, где всякого мало-мальски заметного человека хотят как-то обозвать и принизить, объясняется только его феноменальной текучестью. Он изменчив, как река. Он, как антифриз, не замерзает даже в собственном облике. Вообще, невозможно сказать, каким он был в тот или другой отрезок его жизни. Трудно с точностью назвать размер его костюма. Уверен, что костюмеры постоянно то расширяли, то сужали, то подрубали, потом опять выпускали...

Мы видели его на сцене и на экране в разных головных уборах: в котелках, шляпах и даже шляпках. Была однажды в его руках кепка, и за эту кепку собрались было предьявить ему счет, да быстро прикусили язычок, поняли: этого народ не отдаст!

Он то становится по-юношески худым, то таким, про кого женщины говорят: «Лучше пусть его будет много!» Женщины любят знаменитых и недоступных; к тому же он голубоглаз, мягок и так обходителен, что они даже заметить не успевают, как он обойдет и скроется из виду. Мужчины, думая о нем, бывают иногда скептически и даже мрачноваты. После того как он сыграл женщину по имени Чарлей, мужчины считают, что он как-то перед ними согрешил. Но причина-то в другом: слишком талантлив и удачлив.

Истинный артист, он боится определенности амплуа. Он вроде считается комиком, но так играл Федю Протасова, что люди этого не могут забыть через десятилетия. Он играет всё, во что верит. Он наполняет собою форму, перетекая из одного живого сосуда в другой. До сих пор я вижу, как бежит вниз по экрану, мелко семена и воя, его Платонов из фильма Никиты Михалкова «Пьеса для механического пианино», по которому его знает и любит весь культурный мир.

Ах, эта его таинственная текучесть и постоянное скольжение по земной поверхности! Где он — никто не знает. У него с годами появились секретарши, но и они часто дают уклончивые ответы.

Нам известно теперь время его рождения. Местом же его рождения и проживания надо считать русский театр и кино, то общее на всех свободное пространство, где лучшим из нас дано выразить время и место рождения человеческой души.

Александр ГАЛИН